

> МАГИСТРАЛЪ >

РЮНОСКӘ АКУТАГАВА

Ворота Расёмон

Москва

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
А44

Перевод с японского
*Эмиля Еркулаева, Алексея Фадиева, Аделины Хайрулловой,
Марии Дивенко, Вячеслава Контаурова, Олега Коршикова*

Литературные редакторы
Анастасия Шилкина и Элина Ханова

Корректор *Екатерина Михайленко*

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Акутагава, Рюноскэ.

А44 Ворота Расемон : [перевод с японского] / Рюноскэ Акутагава. — Москва : Эксмо, 2026. — 608 с.

ISBN 978-5-04-215764-6

Творчество выдающегося японского писателя Акутагавы Рюноскэ — одно из наиболее ярких и необычных явлений в мировой литературе XX века. Главная тема его произведений, написанных с тонким вкусом и юмором, — бесконечная вселенная духа и тайны человеческой психологии. Материалы для своих новелл Акутагава черпал из исторических хроник, средневековых анекдотов и сборников старинных легенд. Акутагава полагал, что только через исключительное и неожиданное можно раскрыть подлинные движения души. Причудливое переплетение вымысла и реальности, глубина психологического анализа, парадоксальность суждений, мягкая ирония делают произведения Акутагавы подлинными шедеврами.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-04-215764-6

© Цуру, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

1. ВОРОТА РАСЁМОН

Эта история произошла на исходе одного дня. Некий слуга остановился переждать дождь под сенью ворот Расёмон. Широкое пространство внутри пустовало: мужчина был один. Лишь редкий кузнечик останавливался передохнуть на массивной колонне, на которой местами уже облупилась краска цвета киновари. Поскольку ворота находились на центральной дороге, то здесь могло бы оказаться хотя бы несколько человек, искавших укрытие: женщины в соломенных шляпах или воины в мятых эбоси¹. Но, увы, слуга сидел в полном одиночестве.

Причиной такого положения дел в столице были участвовавшие в последние два или три года всевозможные природные бедствия. Киото страдал от землетрясений, смерчей, пожаров и массового голода. Древние летописи гласят, что люди разрушали деревянные буддийские статуи и утварь, сдирали с них листы золота и серебра, сваливали их на обочине дороги и продавали как дрова. Поскольку столица столкнулась с кризисом, то никто даже не задумывался о ремонте ворот. Их запустением воспользовались обосновавшиеся там лисицы и тануки. Заглядывали туда и воры. Ходили слухи, что люди стали использовать ворота, чтобы избавляться от ненужных трупов. С заходом солнца каждый старался обходить это место стороной, поскольку там становилось жутко находиться. Отсутствие людей вос-

¹ Эбоси — традиционный мужской головной убор в форме закругленного колпака. Эбоси бывают разных видов, например мятыми — «момо-эбоси».

полняли стаи ворон, которые слетались откуда-то в больших количествах. Днем множество птиц, каркая, кружили вокруг высоких коньков на крыше в виде рыбьих хвостов. Когда же небо над воротами во время заката окрашивалось в ярко-красный цвет, то казалось, будто кто-то просыпал на него кунжут. Ворон же, понятное дело, на вершине ворот привлекали трупы, которые они слетались поклевать. Однако сегодня, должно быть из-за позднего времени, поблизости не пролетало ни одной птицы. Только белые пятнышки вороньего помета прилипли к полуразрушенным каменным ступеням, в трещинах которых местами пробивалась высокая трава. Слуга расположился на самой верхней ступени, подоткнув под себя полы темно-синего платья, выцветшего от частой стирки. Он увлеченно теребил свежий прыщ на правой щеке и наблюдал за дождем, погруженный в свои мысли.

Ранее автор писал, что слуга ждал, когда прекратится дождь. Однако, даже если дождь закончится, ему некуда было идти. В обычной ситуации он бы вернулся в дом своего хозяина, но тот прогнал его пять дней назад. Автор упоминал ранее, что город Киото в то время переживал страшный упадок. Так вот такое решение хозяина, на которого слуга работал верой и правдой много лет, было не более чем одним из многих последствий этого упадка. Поэтому вместо того, чтобы говорить, что слуга ждал, когда прекратится дождь, правильнее было бы сказать, что он укрылся от дождя, но не от обуревавших его сомнений о дальнейшем будущем. Более того, сегодняшняя погода вгоняла этого хэйанского простолоудина в сентиментальное настроение. Дождь, который лил с часа Обезьяны, не собирался стихать. Пока слуга невольно прислушивался к звукам его капель, мысли блуждали от одной к другой: его обуревали опасения насчет того, что будет завтра, а если точнее, то насчет того, что предпринять в сложившейся безвыходной ситуации.

Дождь обволакивал ворота водяной вуалью, постепенно собирая далекие отзвуки капель в шумный каскад. Постепенно небо начали окутывать сумерки. Если в этот момент

кто-то посмотрел бы на крышу ворот, то ему могло бы показаться, что она выступающим концом криво лежащей черепицы словно подпирала тяжелые темные тучи. У него нет выбора. Его ждет голодная смерть в придорожной канаве, после чего труп отнесут на верхний этаж ворот и выбросят, как собаку. А если выбора нет, тогда... Сколько бы слуга ни размышлял, всегда приходил к одной и той же мысли. Но все же, как ни крути, это всего лишь пустые рассуждения: чтобы покончить с ними, не хватало смелости признать, что выбора, кроме как стать вором, действительно нет.

Слуга громко чихнул и с большим трудом поднялся со своего места. В вечерние часы в Киото бывает обычно так холодно, что хочется поскорее очутиться возле теплой печи. Ветер свободно гулял между колоннами, принося с собой ночную мглу. Кузнечик, который недавно сидел на колонне цвета киновари, уже куда-то ускакал. Слуга, втянув шею, набросил на плечи светло-желтую накидку и огляделся. Он думал найти уголок, где можно было бы спокойно провести ночь, не страдая от дождя и ветра и не опасаясь, что его заметят. В эту минуту ему на глаза попалась такого же, как и колонны, ярко-красного цвета широкая лестница, которая вела на верхний ярус. Даже если наверху и были люди, то, скорее всего, все они были мертвы. Осторожно, опасаясь, как бы меч с деревянной рукоятью, свисавший у него с пояса, не выпал из ножен, слуга наступил на первую ступеньку ногой, обутой в соломенную сандалию.

С этого момента прошло несколько минут. Мужчина стоял на середине широкой лестницы, ведущей на второй этаж. Сжавшись всем телом и затаив дыхание, он пытался осторожно выведать обстановку наверху. Оттуда исходил свет от огня, невесомо коснувшийся правой щеки мужчины — той самой, на которой среди редкой бородки краснел прыщ. Изначально слуга был убежден, что все, кто был наверху, уже давно мертвы. Когда он поднялся еще на пару ступенек, то заметил, что кто-то не просто зажег огонь, но и время от времени переносил его с места на место. Он сразу догадался об этом по мутному, желтоватому свету, мерцающему

на потолке, который был затянут паутиной на каждом углу. Так что, если кому и понадобилось жечь огонь в таком месте и в такую дождливую ночь, то можно было заключить, что это не обычный человек.

На цыпочках слуга наконец добрался до самой верхней ступеньки. После этого он припал к полу всем телом, выставил вперед голову, насколько это было возможно, и, трясясь от страха, заглянул вовнутрь башни. Слухи не врали: на полу беспорядочно лежало несколько трупов. Свет от огня оказался настолько слабый, что освещал лишь небольшую часть комнаты, поэтому нельзя было понять, сколько всего тел там на самом деле. Однако смутно можно было разобрать, что среди мертвых тел были и мужчины, и женщины; некоторые одеты в кимоно, а некоторые — совершенно неприкрыты. Было легко усомниться в том, что эти мертвецы были некогда живыми людьми из плоти и крови: сейчас они походили скорее на кукол, слепленных из глины, которые валялись на полу с широко раскрытыми ртами и вскинутыми руками. Тусклый свет огня освещал только верхнюю часть тел, игрой светотени подчеркивая печать вечной немоты на их лицах. Слуга невольно зажал пальцами нос от мерзкого смрада, исходившего от мертвецов. Однако в следующее мгновение отдернул руку, занятую носом. Причиной этому были сильные эмоции, которые напрочь лишили его обоняния.

Слуга наконец заметил фигуру, сгорбившуюся над трупам. Это была низенькая, тощая, седая, похожая на обезьяну старуха, одетая в кимоно цвета коры кипариса. Она держала в правой руке горящую сосновую щепу и пристально вглядывалась в лицо одного из мертвецов — судя по длинным волосам, это был труп женщины. Слуга, в котором страх пересиливал любопытство, на мгновение даже забыл, как дышать. Он полностью осознал старое выражение «волосы на голове зашевелились».

Затем старуха вставила между половицами сосновую щепу, обхватила руками шею усопшей, которую до этого внимательно рассматривала, и начала выщипывать волос-

ки один за другим, совсем как мать-обезьяна, ищущая вши у детеныша.

По мере того как волоски легко оказывались в ловких руках старухи, страх слуги постепенно отступал. И в то же время в нем начала расти сильная ненависть к женщине. Впрочем, нет, не конкретно к ней. С каждой минутой в нем все больше возрастало отвращение ко всякому злу. И если бы в этот момент ему пришлось бы ответить на вопрос, о котором он размышлял ранее под воротами, и принять решение, стать вором или умереть от голода, он без всяких сожалений выбрал бы второе. Ненависть ко злу разгоралась в нем, словно воткнутая между половиц сосновая щепа. Слуга, конечно, понятия не имел, зачем старуха выдергивала волосы у покойника, поэтому не мог рассуждать, хорошо она поступает или плохо. Однако для него в эту дождливую ночь, на вершине ворот Расёмон, выдергивание волос мертвого человека уже было непростительным грехом. Конечно, слуга совершенно забыл, что еще недавно подумывал о том, чтобы стать вором.

Поэтому слуга вложил все свои силы в ноги и вскочил по лестнице. Затем, держа руку на деревянной рукояти меча, он широкими шагами направился к старухе. Излишне говорить, что та была напугана. Увидев слугу, она подскочила, словно в нее выстрелили из арбалета.

— И куда ты собралась? — закричал слуга, преграждая путь старухе, когда та, спотыкаясь о трупы, в панике пыталась убежать, оттолкнув слугу. Он сделал то же самое, не желая ее отпускать. Некоторое время они молча боролись друг с другом среди трупов. Однако исход был ясен с самого начала. Наконец слуга схватил старуху за руку и силой повалил ее на пол. Ее рука была точь-в-точь как куриная лапка — только кожа да кости.

— Что ты делала? Ну, что ты делала? Говори! Не скажешь — вот что будет!

Слуга оттолкнул старуху и вдруг выхватил из ножен меч, явив взору белый цвет стали. Тем не менее старуха хранила молчание. Ее руки дрожали, она тяжело дышала, держась

за плечи, ее глаза были так широко раскрыты, словно глазные яблоки вот-вот вывалятся из глазниц, и она упрямо молчала, словно немая. Увидев это, слуга впервые осознал, что судьба этой старухи полностью зависит от его собственной воли. Это осознание в какой-то мере остудило ненависть, которая так яростно в нем кипела. Осталась лишь тихая гордость и удовлетворение как от хорошо проделанной работы. Тогда слуга, взглянув на старуху свысока и слегка смягчив голос, сказал:

— Я не городской стражник. Я просто путешественник, который случайно здесь оказался. Поэтому мне нет необходимости тебя арестовывать. Тебе нужно всего лишь рассказать мне, что ты тут делаешь.

Услышав это, глаза старухи расширились и стали еще больше, а она пристально взгляделась в лицо слуги.

Краснота век делала ее взгляд острым, как у хищной птицы. Затем, морщась, она пошевелила сросшимися с носом губами, словно что-то жевала. Было видно, как на худой шее двигался выступающий кадык. Затем из ее горла вышел задыхающийся, похожий на карканье вороны голос:

— Я хотела вырвать эти волосы, волосы этой женщины, и сделать из них парик.

Слуга был разочарован тем, что ответ старухи оказался на удивление банальным. И в тот же момент прежняя ненависть, смешанная с холодным презрением, снова заполнила его сердце. Видимо, это настроение передалось и старухе. Все еще держа в руке длинные волосы, она пробормотала невнятным, похожим на жабий голосом:

— Я понимаю, что вырывать волосы у мертвых — возможно, дурное дело. Но ведь большинство этих покойников заслужили, чтобы с ними так поступали. Вот, например, женщина, у которой я только что вырвала волосы, резала змей на куски по четыре суна¹, сушила их и продавала солдатам как сушеную рыбу. Если бы она не умерла от болезни, то, возможно, до сих пор продолжала бы это делать. Более

¹ Сун — мера длины примерно 3 сантиметра.

того, ее «сушеная рыба» славилась своим вкусом, и солдаты постоянно покупали ее для гарнира. Я не считаю, что она поступала плохо. У нее не было другого выбора, потому что иначе она умерла бы с голоду. Поэтому и сейчас я не считаю, что поступаю плохо. Ведь если бы я этого не делала, то умерла бы от голода. У меня просто не было выбора. И я уверена, что эта женщина, которая сама хорошо знала, что значит оказаться в безвыходной ситуации, простила бы меня за то, что я делаю.

Слуга невозмутимо слушал ее рассказ, вложив меч в ножны, придерживал рукоять левой рукой, а правой нервно касался большого прыща на щеке, покрасневшего и заполнившегося гноем. Однако по мере того, как он слушал, сердце его наполнялось мужеством, которого ему не хватало раньше под воротами. Оно отличалось от того мужества, которое охватило его, когда он поднялся наверх и схватил старуху. Слуга перестал колебаться при выборе между смертью от голода и жизнью вора — в его нынешнем состоянии духа смерть от голода казалась чем-то настолько далеким, что он даже не мог всерьез об этом подумать.

— Ну конечно, так и есть, — пробормотал слуга насмешливым тоном, когда старуха закончила говорить.

Затем он сделал шаг вперед, внезапно убрав правую руку от прыща, схватил старуху за ворот и сказал:

— В таком случае ты не будешь ненавидеть меня за то, что я ограблю тебя? Ведь если я этого не сделаю, то умру с голоду.

Затем он быстро сорвал одежду со старухи. А когда она попыталась уцепиться за его ноги, он с силой пнул ее, отчего она упала на трупы. До лестницы оставалось всего лишь пять шагов. Слуга, зажав под мышкой сорванную одежду цвета коры кипариса, в мгновение ока спустился по крутой лестнице в глубину ночи.

Некоторое время обнаженное тело старухи лежало среди трупов без движения, словно мертвое, но вскоре зашевелилось. В свете еще горящей щепы она со стенами и бормотанием поползла к лестнице. Там она, откинув назад свои

короткие седые волосы, заглянула вниз. Снаружи ее ждала лишь непроглядная, как бездна, ночь.

Слуга же тем временем уже спешил в Киото: ему не терпелось поскорее кого-нибудь ограбить.

2. Нос

О носе монаха Дзэнъити в Икэноо было известно каждому. Этот нос около пяти или шести сун¹ в длину спускался через губы до самого подбородка. Одинаково толстый по всей длине нос напоминал своей формой колбаску, нелепо свисающую прямо с середины лица.

Этот нос причинял одни страдания уже пятьдесят лет: и когда монах был простым послушником, и когда занял высочайшую должность придворного монаха. Впрочем, его невозмутимое лицо никогда не отражало душевных терзаний. Дело было вовсе не в том, что истинному последователю учения, стремившемуся к просветлению, не следовало беспокоиться о своем брэнном теле. Гораздо сильнее монаху претила мысль о том, что люди узнают о его переживаниях. Больше всего на свете он боялся, что во время бесед разговор зайдет о носе.

Мучился он из-за своего носа по двум причинам.

Во-первых, длина носа доставляла неудобства в быту. Например, он не мог принимать пищу без чьей-либо помощи, иначе кончик носа попадал в тарелку с едой. Поэтому монах во время трапез сажал напротив себя ученика, который должен был с помощью специальной дощечки шириной в один сун и длиной в два сяку² поддерживать его нос. Таким образом, трапеза для обеих сторон была делом нелегким. Однажды мальчик-послушник, державший нос вместо ученика, чихнул, рука его дрогнула, и нос монаха оказался в миске с рисовой кашей. Эта история облетела страну и дошла вплоть до Киото. Однако страдал он не из-за

¹ 15–17 сантиметров.

² 3 сантиметра в ширину и 60 сантиметров в длину.

произошедшего, а из-за уязвленного чувства собственного достоинства.

Жители города Икэноо говорили, что для монаха Дзэнъити, далекого от мирской жизни, такой нос был, пожалуй, благословением. Вряд ли нашлась бы девушка, готовая стать женой человека с подобным уродством. Злые языки даже поговаривали, что из-за носа он и постригся в монахи. Однако монах не считал, что монашество избавило его самолюбие от беспокойства о такой деликатной теме, как женитьба. Поэтому монах всевозможными средствами пытался оправиться от морального ущерба, нанесенного его самолюбию.

Сначала монах искал способ, который помог бы его носу казаться короче, чем он был на самом деле. Когда поблизости никого не было, он вставал перед зеркалом и вертел головой и так, и сяк, с воодушевлением в сердце раздумывая о способах укоротить нос. В отчаянии, когда от положения лица так ничего и не менялось, он начинал всматриваться в зеркало с большим вниманием, то подпирая щеку рукой, то прикладывая пальцы к подбородку. Монаху так ни разу и не удалось найти положение, в котором длина носа устраивала бы его. Наоборот, чем больше он прикладывал усилий, тем длиннее начинал казаться ему нос. В конце концов каждая попытка заканчивалась одинаково: монах убирал зеркало обратно в коробку и нехотя возвращался к своему столу с сутрами, чтобы продолжить чтение сутр.

Монах неустанно думал и о чужих носсах. В храме Икэноо часто проводились проповеди, обители монахов теснились на территории храма плотным рядом, простому люду дозволялось пользоваться храмовыми банями: следовательно, каждый день внутри храмовых стен всегда было очень много и монахов, и прихожан. В этом нескончаемом потоке людей монах из раза в раз искал хоть кого-то, похожего на него самого. Если бы существовал на свете такой же человек, как он, это помогло бы ему вернуть душевное равновесие. Именно поэтому монах не замечал ни темно-синих одеяний мужчин, ни белых летних кимоно женщин. Для него

не имели значения даже монашеские серые облачения и головные уборы оранжевого оттенка — их вид был так привычен, будто они уже не существовали для него вовсе. Он не видел людей, его интересовали только их носы... Да, находились крючковатые носы, но подобного собственному монах так и не встретил. Чем дольше искал, тем больше впадал в отчаяние. Из-за своих тревог, даже разговаривая с кем-то, он, сам того не осознавая, поднимал кончик болтающегося носа и задумчиво рассматривал его, а опомнившись, стыдливо краснел, несмотря на свой возраст.

В конце концов монах, измученный тщетными поисками, обратился к священным писаниям и светским книгам в надежде, что найдет кого-нибудь с таким же носом, как у него самого. Однако ни в одном из буддийских текстов не упоминалось, что у Маудгальяяна или у Шарипутры, уважаемых учеников Будды, были длинные носы. Даже великие мудрецы Нагарджуна и Ашвагхоша обладали самыми заурядными человеческими лицами. Однажды, услышав, что у Лю Сюань-дэ из царства Шу Хань были необычайно длинные уши, он подумал, что чувствовал бы себя менее одиноким, будь это не уши, а нос.

Нет нужды специально оговариваться о том, что он не только занимался терзающими душу размышлениями, но и активно пытался укоротить свой нос. В этом отношении он перепробовал все возможные методы: пил настойку из змеиного огурца, втирал снадобья из мышинной мочи. Но как бы он ни изворачивался, какие бы способы ни придумывал, его нос оставался длинным и по-прежнему колбаской спускался до самого подбородка.

Однажды осенью ученик монаха отправился в Киото по делам и там узнал у знакомого врача способ укоротить длинный нос. Врач этот приехал из Китая и принял монашество при храме Тераку.

Как обычно, монах старательно делал вид, будто нос его совершенно не волновал, и намеренно не стал говорить о своей готовности прямо сейчас опробовать новый способ. Однако словно невзначай обмолвился о том, что ему

крайне неловко беспокоить учеников каждый раз, когда он принимает пищу. Он ожидал, что ученик сам начнет его уговаривать. Ученик заметил хитрость учителя, но вместо раздражения испытал только сочувствие к отчаянной готовности учителя рискнуть. Как ожидалось, ученик с жаром начал его уговаривать, а монах согласился испытать метод, поддавшись горячим разговорам.

А метод был до нелепости прост: хорошенько распарить нос в горячей воде и попросить кого-нибудь на него наступить.

Горячую воду кипятили в храмовой бане каждый день. Ученик принес оттуда целый котелок с крутым кипятком. Если бы монах прямо так решил окунуть в него свой нос, то исходящий от воды пар непременно оставил бы на его лице ожоги. Поэтому было решено взять деревянный поднос, вырезать в нем отверстие и накрыть котелок, чтобы нос можно было погрузить в воду, не рискуя обжечь кожу лица. Сам же нос словно потерял всякую чувствительность, едва его окунули в кипяток.

Спустя время ученик произнес:

— Пожалуй, он как следует проварился.

На лице монаха скользнула горькая улыбка. Услышь эту фразу кто-нибудь без контекста, вряд ли бы понял, что речь идет о носе, от которого шел пар, а сам он зудел так, словно его искусили блохи.

Как только монах вынул нос из отверстия в самодельной крышке, ученик, не теряя времени, приступил к главному этапу: встал на нос ногами и, вкладывая всю свою силу, начал его топтать. Пока нос монаха был вытянут на дощатом полу, сам он лежал на боку и наблюдал, как перед его лицом поднимаются и опускаются ноги его ученика. Временами тот бросал сочувственный взгляд на лысую голову монаха и произносил:

— Вам больно? Врач настоял на том, чтобы топтать сильнее. Как вы себя чувствуете?

Монах собирался покачать головой, но из-за шедшего полным ходом процесса не смог двинуть шеей. Поэтому,